

ЯЗЫКОВОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Linguistic Manipulation in the Academic Discourse

Жанна Сладкевич

zanna.sladkiewicz@wp.pl

Гданьский университет (Гданьск, Польша)

Инна Юрьевна Самойлова,

samina2004@mail.ru

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
(Гродно, Беларусь)*

Наталья Григорьевна Музыченко

muzychenkonata@mail.ru

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
(Гродно, Беларусь)*

Zhanna Sladkevich

zanna.sladkiewicz@wp.pl

Gdansk University (Gdansk, Poland)

Ina Samojlova

samina2004@mail.ru

Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus)

Natallia Muzychenka

muzychenkonata@mail.ru

Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 21.11.2017

Fecha de evaluación: 17.12.2017

Cuadernos de Rusística Española nº 13 (2017), 71 - 81

ABSTRACT

The strengthening of communicative and pragmalinguistic approaches to studying linguistic phenomena and discursive practices led to the intensification of the study of broadly understood manipulative influence in various fields of communication and at various stages of discourse. The article deals with chosen issues of manipulative influence in the academic discourse within both national and intercultural communication. The results of the lexical-semantic, morpho-syntactic, pragmatic and linguocultural analysis of empirical material show that even though Belarusian, Chinese, Iranian and Korean students know the term “linguistic manipulation”, they interpret its constituent elements in different ways. The differences in consciousness are fixed on the phonetic (intonation coloring), lexical (semantics of the word), and grammatical levels and are reflected in communication.

Keywords: pragmalinguistics, academic discourse, linguistic manipulation, national communication, intercultural communication.

РЕЗЮМЕ

Усиление позиций коммуникативно-деятельностного и прагмалингвистического подходов к изучению языковых явлений и дискурсивных практик привело к интенсификации изучения широко понимаемого воздействия в различных сферах коммуникации и различных этапах дискурса. В статье рассматриваются некоторые вопросы языкового воздействия в академическом (научно-дидактическом) дискурсе в пространстве национальной и межкультурной коммуникации. Результаты лексико-семантического, морфолого-синтаксического, прагматического и лингвокультурологического анализа эмпирического материала показали, что, несмотря на понимание значения термина «языковая манипуляция», белорусские, китайские, иранские и корейские студенты по-разному трактуют входящие в него элементы. Данные различия в сознании закреплены на фонетическом (интонационная окрашенность речи), лексическом (семантика слова), грамматическом уровнях и находят отражение в коммуникации.

Ключевые слова: прагмалингвистика, академический дискурс, языковое манипулирование, национальная коммуникация, межкультурная коммуникация.

Последние несколько десятилетий отмечены масштабными исследованиями манипулирования, прежде всего в политическом, медиальном и рекламном дискурсах (Jaskólski 2017; Habrajska 2007; Krzyżanowski, Nowak 2004; Lepa 1997; Tokarz 2006; Кара-Мурза 2002; Маслова 2008; Михалева 2009; Рюмшина 2004; Чернявская 2006). Менее изученным представляется характер речевого воздействия в пространстве академического общения, как в национально-специфичном, так и межкультурном ракурсе.

Согласно Дроздовой (2016), манипуляция в научно-дидактическом дискурсе приобретает особую значимость в связи со статусно-ролевым неравенством ее участников. В академической среде весомое речевое воздействие оказывает не только преподаватель, как главный актер дидактической сцены, отбирая, сортируя и интерпретируя учебный материал, морализируя и укореняя определенные мыслительные стереотипы (Wroński 2010: 18), но и обучаемый им студент. В этой связи применительно к педагогическому дискурсу Клишкевич (2017: 165) широко определяет манипуляцию как комплекс действий по «приручению» другого человека и мастерскому руководству его поведением с использованием языка как инструмента.

В целях изучения характера обоюдного речевого воздействия в научно-дидактическом дискурсе в аспекте национальной и межкультурной коммуникации нами было проведено анкетирование¹, респондентами которого выступили белорусские студенты-филологи, а также студенты из Ирана, Кореи и Китая, обучающиеся в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы и в Минском государственном лингвистическом университете, суммарно 116 человек. Мы предположили, что участие респондентов из трех регионов мира, наиболее ярко выявит различия в понимании отношений коммуникантов в академической среде при взаимодействии. Это обусловлено не столько существенной разницей в самой системе образования, сколько традиционными представлениями о взаимоотношениях по линии ученик - учитель (студент - преподаватель).

1. Анкета была разработана в лаборатории по исследованию речевого воздействия при кафедре прагматики коммуникации и лингводидактики Института русистики и востоковедения Гданьского университета, членами которой являются авторы статьи.

Для объективности исследования при выборе респондентов мы ориентировались на количественный показатель. Наибольшее число студентов, обучающихся в обоих университетах на момент проведения анкетирования – белорусы (I группа), представители Восточной Азии – китайцы и корейцы (II группа) и арабского региона – иракцы (III группа).

Предложенный анкетиремым трехчастный опросник предполагал (1) определение понятия «языковое манипулирование», ответ на ряд вопросов о способах манипулирования в вузе как со стороны студента (2), так и преподавателя (3), с приведением примеров речевого воздействия участников образовательного процесса.

1. В ходе исследования было выявлено, что многие респонденты указывают на связь манипуляции с речевым воздействием на сознание и поведение человека, что свидетельствует об общем понимании значения термина: *когда человек манипулирует словами, рассказывая что-либо, и входит в доверие; человек знает, что тебе сказать, чтобы достичь личной цели; при помощи слов управляют твоим мозгом.*

Основными элементами, входящими в семантическое поле понятия «языковая манипуляция» как у белорусов, так и у иностранных студентов являются: 1) воздействие на сознание и эмоции (*внушение, обман, триггеры; языковая депривация; угнетение человека языковыми средствами; ставят условия, шантажируют, давят; языковая манипуляция воздействует на мысль человека*); 2) возможность управления (*неосознанность; с помощью хитрости заставляет поступать так, как хочет другой; когда при помощи слов управляют твоим мозгом; инструмент социальной власти*); 3) искусность (*человек даже не замечает этой манипуляции; много слов, хорошо говорить, слушать легко*); 4) достижение целей (*вид речевого воздействия, целью которого является неявное внесение в психику адресата чуждых ценностей; словесное воздействие с определенной целью, выгодой; всегда знает, что тебе надо сделать и прямо стелет*); 5) инструментарий – слова, фразы, побудительные предложения, голос, языковые приемы, действия, знания (*управление при помощи слов; манипулирование поведением человека с помощью языка (определенных слов, фраз и т.д.); использование языковых средств, например, побудительных предложений, для достижения определенных целей*).

Обращает на себя внимание тот факт, что белорусы особо выделяют манипуляцию (воздействие) в сфере бизнеса (*«навык» манипулирования, которым обладает человек в сфере межличностных отношений, в сфере бизнеса*). Можно заключить, что после произошедших экономических преобразований в картине мира белорусов бизнес, умение «делать» деньги ассоциируется с обманом, ловкачеством и шантажом.

Китайцы считают языковую манипуляцию *инструментом социальной власти*. Преподаватель обладает ею в силу своего статуса. Установленные в китайском обществе морально-этические нормы предусматривают воздействие на студента. Слово преподавателя – закон, оно не обсуждается, а принимается и выполняется. В процессе аккультурации это правило может видоизменяться. К примеру, интересна, с точки зрения семантики, трактовка понятия «языковая манипуляция» одного из китайских студентов – *чудесная проблема для нас*, в которой указывается как кажущаяся мягкость, легкость воздействия (прилагательное *чудесная* имеет

положительную коннотацию), так и нежелательность этого воздействия для адресата (существительное *проблема* коннотировано отрицательно).

2. В академическом дискурсе справедливо говорить о взаимно направленных векторах манипуляции: не только преподаватель воздействует на студента, но и студент пытается манипулировать преподавателем, используя богатый речевой инструментарий. Подтверждением сказанного являются результаты анкетирования, согласно которому абсолютное большинство белорусов (85%), китайцев (80%) и половина иранских и корейских анкетированных утверждает, что не чувствует манипулирования ими в вузе, хотя практически все указывают множество вариантов собственных манипуляционных актов.

Наиболее ярко это проявляется в коммуникативной ситуации оправдания (Лаврентьева 2006), когда студенту приходится объяснять или / и скрывать свою неподготовленность к занятиям или их пропуск.

Как выяснилось, все корейские студенты, большинство китайских (80%), половина иранских и часть белорусских респондентов (31%) при пропуске занятия или неподготовленности к нему признают свою вину. Студенты не снимают с себя ответственности за проступок, что свидетельствует о понимании неблагоприятности поступка. Вероятно поэтому при построении высказывания они используют глагольную форму 1-ого лица единственного числа (*говорю прямо, что я не готов/а; не оправдываюсь*) и синтаксический маркер *прямо*, использующийся, согласно Ожегову и Шведовой (1999: 629), в значении 'правдиво, откровенно, нелицемерно'.

Часть других респондентов тоже не оправдывается, откровенно заявляя о своей низкой работоспособности и депрессивном состоянии (*лень берет надо мной верх; у меня депрессия, я проспала*). При этом вину они ни на кого не перекладывают, а лишь объясняют свое бездействие. Речевая тактика признания вины, как правило, выражается вводными конструкциями (*к сожалению, меня часто одолевает прокрастинация*).

Представители Кореи и Китая не оправдывают себя или называют вескую причину в качестве аргумента при пропусках или неподготовленности к занятиям – работу вне университета: *сегодня у меня испытание (собеседование) на работе, я должен (должна) работать, чтобы заработать на жизнь*. Значительная часть белорусов (14%) также склонна объяснять академическое отставание необходимостью зарабатывать деньги.

Многие ссылаются на чрезмерную занятость и нехватку времени. При этом конструкции с активными глаголами, сочетающимися с местоимением *я* или подразумевающими это местоимение в качестве грамматического субъекта единичны (*был занят*). Чаще используются безличные конструкции (*не было / мало времени / возможности подготовиться; мне нужно срочно ехать домой / в другой город*), что подчеркивает тенденцию к преувеличению значимости внешних факторов над внутренними.

Связь академического дискурса со сферой межличностных отношений проявляется в ответах некоторых белорусских студентов, которые подчеркивают свое личное отношение к преподавателю: *если доверяю преподавателю, говорю, как есть*.

Студенты пытаются найти причины слабой подготовленности к занятиям, и делают это по-разному. Значительная часть белорусов (27 %) и все корейцы прибегают к экспрессивам и промиссивам, извиняясь и обещая исправиться в будущем (*приношу извинения и прошу «прикрыть глаза» и отнестись ко мне с пониманием; я сделаю это на следующее занятие; вышлю почтой, приду на консультацию и т.п.*). Таким образом, коммуниканты используют тактику признания вины и предлагают конструктивное решение проблемы, демонстрируя, по Власову (2011-2017), интернальный подход (ищут причины произошедшего в себе).

Некоторые из белорусских студентов (13%) апеллируют к предшествующему позитивному опыту отношений с преподавателем (*я всегда отлично готов(а), только один разок я «споткнулся / споткнулась», не вижу повода для выставления мне низкой оценки*), пытаясь вызвать снисхождение. При построении высказывания обращает на себя внимание выбор глагола *споткнуться*: с одной стороны, в значении глагола присутствует сема 'случайно, внезапно', с другой – употребление данной лексемы предполагает отсылку к ситуации, при которой споткнувшемуся протягивают руку помощи для поддержки. Ни один из иностранных студентов не пытается таким образом вызывать жалость у преподавателя, что можно объяснить особой конфигурацией доминант культурно-дискурсивного пространства Азии, в особенности Китая, как «почитание авторитета», «включение в отношения», «лицо», «вежливость» (Нагибина 2017). Белорусы, для коммуникативной культуры которых характерна менее выраженная статусная асимметрия и бóльшая доверительность общения, эксплицитно проявляют эмоции в рамках академического дискурса. Нами зафиксированы случаи скрытой (*говорю, что материал неинтересен и мне не пригодится*) и открытой (*критикую преподавателя*) речевой агрессии, используемой белорусскими студентами в качестве объяснения своей неподготовленности к занятиям или их пропусков, что является нарушением этических норм. В этом случае говорящий пытается воздействовать на эмоциональное состояние не только преподавателя, но и присутствующих при разговоре студентов, рассчитывая на их поддержку.

Отмечены откровенные призывы к сочувствию со стороны преподавателя. С учетом общечеловеческих ценностей (здоровье – одна из них) строят свои тексты все студенты (*я болею, и это правда*). Белорусы дополнительно указывают и другие причины: *трудный период в жизни, сердечные проблемы (любовь), проблемы с коммуникацией; болеют мои близкие, кто-то из моей семьи; у меня маленький ребенок*, пытаясь повернуть ситуацию, сделать ее выгодной для себя. Подобные призывы со стороны иранцев, китайцев и корейцев невозможны. Тема семьи и близких в разговоре с посторонними людьми табуирована.

Часть анкетированных в поисках аргументации своей неподготовленности склонна объяснять неудачи сложностью материала (*говорю преподавателю, что это был трудный материал; что у меня было слишком мало времени, чтобы усвоить его; говорю, что этого не понимаю*) или плохим знанием языка (если ты иностранец). Следует отметить, что для студентов, обучающихся на неродном языке, фраза *я не понимаю / плохо / немного говорю по-русски* может быть защитной реакцией при возникающих недоразумениях не только в условиях академического дискурса, но и при коммуникации в иноязычной среде в целом.

Тем не менее, для большинства респондентов успешное обучение является приоритетной задачей. Причем в ответах белорусских студентов явно виден приоритет оценки над знаниями, который был отмечен Дроздовой (2015: 31), а хорошая отметка может быть получена случайно. Многие иранцы (25%) и большая часть белорусов (65%) готовы рисковать, чтобы не иметь академической задолженности (*рискую и пробую ответить - вдруг повезет; пытаюсь получить оценку «удовлетворительно»: главное - зачет*). Для китайцев и корейцев это несущественно.

Значительная часть приведенных примеров оправданий не содержит активного грамматического субъекта, а представляет собой: безличные конструкции (*не было времени/ возможности подготовиться, у меня мало времени, мне нужно срочно ехать домой (в другой город)*); номинативные предложения, называющие внешние обстоятельства неподготовленности (*сложный материал, посещение врача, семейные обстоятельства*) или конструкции, где грамматическим субъектом является не человек, а его внутренние качества, которые он не в силах преодолеть (*лень берет верх; у меня депрессия*). Таким образом, с точки зрения семантики, респонденты заявляют о своей низкой работоспособности или депрессивном состоянии, а ловко оперируя грамматическими ресурсами, снимают с себя ответственность за это, акцентируя невозможность что-либо изменить.

3. Надо отдать должное мастерству речевого воздействия преподавателей, поскольку значительная часть опрошенных отметила, что не чувствует манипуляции в вузе (*не встречал таких; нам никто не угрожает*). Тем не менее, анализ материала показал, что студенты косвенно пишут об угрозах (воздействии) со стороны преподавателей. Условно мы выделили две группы «угроз»: будущая академическая неуспешность, а также связанные с ней, материальные и / или временные потери, с одной стороны, и будущая социальная неуспешность с другой.

В отличие от китайских и корейских студентов для белорусов угрозы академической неуспешности являются первостепенными (55%). Это можно объяснить значимостью успешного обучения для поднятия самооценки и повышения своего статуса как в микросоциуме (учебной группе), так и в общенациональном сообществе. Семантический признак академической неуспешности выражается риторическими вопросами (*не хотите сдать зачет?*), глаголами будущего времени (*не сдадите / не получите / не поставлю экзамен / зачет; не допущу к экзамену; экзамен будет провален; зачет будет сдать тяжело; поставлю 2 на экзамене; по этому материалу будет тест; в университете будет трудно в будущем* и пр.). Используя глаголы в форме будущего времени, часто с отрицательной частицей *не*, преподаватель реализует тактику речевого прогнозирования, указывая на возможность возникновения проблемных ситуаций в учебной деятельности.

Иногда угрозы усугубляются упоминанием о возможных материальных и временных затратах, что выражается определенно-личными предложениями с глаголами будущего времени в качестве предикатов (*будете оплачивать консультации; отправлю на отработку; не пуцую на зачет, поставлю отработки* (отработки в вузах Беларуси, как правило, платные); *на экзамене посмотрим / поговорим*), безличными конструкциями (*придется сдавать больше материала на экзамене*). Посредством

компрессии (*главная угроза - дедлайны*) студенты указывают на жесткие рамки современного образовательного процесса в условиях информатизации, где работы сдаются посредством электронных программ, блокирующих прием файлов позже указанного срока.

Угроз социальной неуспешности отмечено меньше. Использование преподавателями клише (*полы будете мыть; отчислим; дворниками будете работать!*) отсылает к тем временам, когда уровень образования определял выбор рабочего места. Но сегодня финансовая самостоятельность и независимость для студентов важнее занимаемой должности.

Иногда ирония воспринимается как завуалированная угроза: *преподаватель в ироничной форме указывает на ошибки, колкостями подчеркивает социальную пропасть*. Воздействие на эмоции расценивается как унижение человеческого достоинства (*подчеркивает социальную пропасть*), что абсолютно непозволительно не только в академическом дискурсе, но и в коммуникации в целом. В отличие от большей части анкетированных китайские респонденты относят к угрозам обращения преподавателя *мои дорогие* и *мои хорошие*, дополняя словесные ответы в анкете рукописными эмодзи, иллюстрирующими улыбку². Исследователи обращают внимание на то, что за культивируемой с детства вежливой улыбкой³ и мягкими словами у людей Востока может скрываться драматическая ситуация, даже смерть (Стернин 2002: 39). Более того, фонетико-интонационная психоглосса преподавателя заставляет воспринимать текст как угрозу.

Необходимо отметить, что не всегда студентами разграничиваются совет и угроза. Использование формы императива, которая выражает приказ, совет, просьбу (*хорошо учитесь!; спрашивайте, не стесняйтесь*), сочетаний союза *чтобы* с инфинитивом, имеющих целевое значение (*чтобы достичь цели, надо много учиться!*), а также операторов долженствования (*следует, необходимо, надо, должно / должен*) с инфинитивом (*ты должен лучше учиться*) понимается как угроза. Словесное напутствие со стороны преподавателя сопровождается соответствующим интонационным оформлением, что респонденты передавали на письме пунктуационно (восклицательными знаками). У китайских студентов даже вопросы преподавателей, выражающие желание помочь (*какие проблемы возникли?*), вызывают отторжение.

Для китайцев уважение к родителям проявляется в нежелании причинить им боль, доставить любые, в том числе психологические страдания. Поэтому реплику *вы не бесплатно учитесь в университете* китайцы соотносят с потерей финансовых средств семьи, так как незнание учебного материала влечет за собой академическую задолженность. Если студенту не удастся ее ликвидировать, он может быть исключен из учебного заведения, а значит потерять средства, затраченные на обучение.

2. Доронина (2014: 93) отмечает сходный признак – странную, с нашей перспективы, реакцию китайского студента на похвалу: в ответ на улыбку и теплые слова преподавателя «его лицо застывает непроницаемой маской». Такой коммуникативный навык исследователь объясняет конфуцианским наследием, требующим внешней сдержанности, и реализацией максимы скромности.
3. Жаркова (2017) сравнивает китайские паремии: «На сердце обида, а на лице улыбка», «Сердитый кулак не бьет по улыбающемуся лицу» – с русскими: «Что в сердце варится, в лице не утаится», «Горечи сердца не усладишь улыбкой».

Каждое высказывание имеет определенную коммуникативную задачу: изменение эмоционального и ментального состояния адресата, выражение отношения или мнения, побуждение партнера к действиям (приказ, просьба, совет и др.). Обычно в дискурсе, академическом в том числе, высказывания, за немногими исключениями, полиинтенциональны. Известно, что достичь желаемого результата можно через стимулирование к действию, через мотивацию.

Респонденты отмечают, что преподавателями используется стратегия повышения интереса студентов к предмету в целом, которая была отмечена Дроздовой (2016), и способом реализации этой стратегии является акцентирование внимания универсантов на полезности изучаемого предмета в будущей жизни. Вероятно поэтому они чаще всего отмечают пользу, важность, актуальность материала: *надо работать для будущего; работайте на перспективу; пригодится в будущей жизни / в профессиональной деятельности; это важно; надо овладеть русским языком для работы; это будет полезно в жизни; должны работать, чтобы заработать на жизнь*.

Семантический признак необходимости обучения с выраженной деонтической модальностью вербализуется императивами (*учитесь, не ленитесь; век живи - век учись!*), безличными конструкциями с предикативами, сочетающими слова категории состояния с инфинитивами (*надо всегда учиться*), операторами долженствования с инфинитивом (*вы должны учиться*), пассивными конструкциями с неодушевленным грамматическим субъектом (*вам это понадобится*).

Семантический признак позитивной психологической установки, реальности высокого результата выражается посредством формы будущего времени глаголов – комиссивов (*я верю в вас: вы сможете; хорошо учите и легко сдадите экзамен; станете настоящими профессионалами*); формы императива глаголов – директивов (*постарайтесь*), формы настоящего времени глаголов-репрезентативов (*вы это уже знаете*), предложений-констативов (*старания заметны; молодцы!*); пожеланий, выраженных существительными в родительном падеже (*удачи!*).

Семантический признак будущей академической (не)успешности выражается, в основном, глаголами будущего времени в составе условно-следственных конструкций (*если вы не заинтересуетесь, вам будет сложно сдать; хорошо учите, и легко сдадите экзамен*); или предложений-следствий, условие для которых понятно из ситуации (*получите высокую оценку*). Важно отметить, что в отличие от белорусских студентов об академической (не)успешности как мотивирующем высказывании китайцы, корейцы и иранцы не упоминают.

Для студентов значима ангажированность преподавателя и способ подачи им материала (*интересно преподносит материал; приводит интересные примеры; предмет интересный и полезный; сам материал мотивирует на изучение, но иногда мотивируют оценки на экзамене / зачете; креативные задания: сочинения, презентации*). На наш взгляд, это и есть внешнее влияние для пробуждения внутренней устойчивой мотивации студентов.

Итак, проанализировав способы эффективного языкового воздействия в научно-дидактическом дискурсе как в пространстве национальной коммуникации, так и межкультурной, мы выявили ряд особенностей.

Основными элементами семантического поля понятия «манипуляция» являются: 1) воздействие, 2) возможность управления, 3) искусственность, 4) достижение целей, 5) инструментарий: слова, фразы, побудительные предложения, голос, языковые приемы, действия, знания.

Демонстрируя понимание значения термина «языковая манипуляция», студенты, как правило, отрицают факт языкового манипулирования по отношению к себе, но при этом указывают множество вариантов речевого воздействия и манипуляций преподавателей, реализующихся посредством угроз, предупреждений или стимулирования мотивации.

В академическом дискурсе имеет место взаимная манипуляция, которую можно определить как разновидность психологической игры, где победителя ждет награда (оправдание пропусков, лучшая оценка или выполнение студентами задач, которые определил преподаватель). Языковая же реализация манипуляционных стратегий в значительной степени обусловлена спецификой культуры и менталитета участников коммуникации.

БИБЛИОГРАФИЯ

- HABRAJSKA, G. (red.) (2007): *Mechanizmy perswazji i manipulacji*. Leksem. Łask.
- JASKÓLSKI, A. (2017): “Manipulacja językowa i problemy z jej identyfikacją” В кн.: *Perswazja językowa w różnych dyskursach*. Т. 1., WUG, Gdańsk, с. 26-39.
- KLIMKIEWICZ, A. (2017): “Manipulacja językowa w edukacji akademickiej (na przykładzie zajęć z praktycznej nauki języka rosyjskiego)” В кн.: *Perswazja językowa w różnych dyskursach*. Т. 2, WUG, Gdańsk, с. 164-174.
- KRZYŻANOWSKI, P. NOWAK, P. (red.) (2004): *Manipulacja w języku*. UMCS. Lublin.
- LEPA, A. (1997): *Świat manipulacji*. Niedziela. Częstochowa.
- TOKARZ, M. (2006): *Argumentacja, perswazja, manipulacja*. GWP. Gdańsk.
- WRÓŃSKI, R. (2010): “Edukacja behawiorystyczna i konstruktywistyczna w aspekcie manipulacji” В кн.: *Manipulacja. Społeczno-pedagogiczne aspekty*. Т. 2., Krakowskie Towarzystwo Edukacyjne, Kraków, с. 13-25.
- ВЛАСОВ, М. (2011-2017): *Психология человека*. [Электронный ресурс]: <https://psichel.ru>
- ДОРНИНА, Е.Г. (2014): “Обучение китайских студентов русскому речевому этикету на занятиях по РКИ” В кн.: *Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся*, Импри, Воронеж, с. 91-95.
- ДРОЗДОВА, Д.Р. (2015) “Синтаксические средства языкового манипулирования”, *Вестник АГУ*, 2 (153), с. 30-34.
- ДРОЗДОВА, Д.Р. (2016): *Феномен языкового манипулирования в академическом дискурсе*: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Издательство Адыгейского государственного университета. Майкоп.
- ЖАРКОВА, Т.И. (2017): *Улыбка в межкультурной коммуникации*. [Электронный ресурс]: <http://xn--i1abbnckbmcl9fb.xn--p1ai/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8/609411/>
- КАРА-МУРЗА, С.Г. (2002): *Манипуляция сознанием*. Алгоритм. Москва.

- ЛАВРЕНТЬЕВА, Е.В. (2006): *Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве*: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Новосибирский государственный педагогический университет. Новосибирск.
- МАСЛОВА, В.А. (2008): “Политический дискурс: языковые игры или игры в слова?”, *Политическая лингвистика*, 1 (24), с. 43-48.
- МИХАЛЕВА, О.Л. (2009): *Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия*. Либроком. Москва.
- НАГИБИНА, И.Г. (2017): *Формирование дискурсивно-коммуникативной парадигмы в китайском языкознании: от теории к социальной практике*: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Сибирский федеральный университет. Красноярск.
- ОЖЕГОВ, С.И., ШВЕДОВА, Н.Ю. (1999): *Толковый словарь русского языка*. Азбуковник. Москва.
- РЮМШИНА, Л.И. (2004): *Манипулятивные приемы в рекламе*. МарТ. Москва.
- СТЕРНИН, И.А. (2002): *Русское и китайское коммуникативное поведение*. Истоки. Воронеж.
- ЧЕРНЯВСКАЯ, Е.В. (2006): *Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия*. Флинта. Наука. Москва.

BIBLIOGRAPHY

- CHERNYAVSKAYA, E.V. (2006): *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdejstviya*. Flinta. Nauka. Moskva.
- DORONINA, E.G. (2014): “Obuchenie kitajskih studentov russkomu rechevomu ehtiketu na zanyatijah po RKI” V kn.: *Problemy prepodavaniya filologicheskikh disciplin inostrannym uhashchimsya*, Impri, Voronezh, s. 91-95.
- DROZDOVA, D.R. (2015) “Sintaksicheskie sredstva yazykovogo manipulirovaniya”, *Vestnik AGU*, 2 (153), s. 30-34.
- DROZDOVA, D.R. (2016): *Fenomen yazykovogo manipulirovaniya v akademicheskom diskurse*: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Izdatel'stvo Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Majkop.
- JASKÓLSKI, A. (2017): “Manipulacja językowa i problemy z jej identyfikacją” В кн.: *Perswazja językowa w różnych dyskursach*. Т. 1., WUG, Gdańsk, с. 26-39.
- HABRAJSKA, G. (red.) (2007): *Mechanizmy perswazji i manipulacji*. Leksem. Łask.
- KARA-MURZA, S.G. (2002): *Manipuljacija soznaniem*. Algoritm. Moskva.
- KLIMKIEWICZ, A. (2017): “Manipulacja językowa w edukacji akademickiej (na przykładzie zajęć z praktycznej nauki języka rosyjskiego)” В кн.: *Perswazja językowa w różnych dyskursach*. Т. 2, WUG, Gdańsk, с. 164-174.
- KRZYŻANOWSKI, P. NOWAK, P. (red.) (2004): *Manipulacja w języku*. UMCS. Lublin.
- LAVRENT'eva, E.V. (2006): *Rechevyje zhanry obvinieniya i opravdaniya v dialogicheskom edinstve*: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Novosibirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. Novosibirsk.
- LEPA, A. (1997): *Świat manipulacji*. Niedziela. Częstochowa.
- MASLOVA, V.A. (2008): “Politicheskij diskurs: yazykovye igry ili igry v slova?”, *Politicheskaya lingvistika*, 1 (24), s. 43-48.

- МИHAЛЕВА, О.Л. (2009): *Politicheskij diskurs. Specifika manipulyativnogo vozdejstviya*. Librokom. Moskva.
- NAGIBINA, I.G. (2017): *Formirovanie diskursivno-kommunikativnoj paradigmy v kitajskom yazykoznanii: ot teorii k social'noj praktike*: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Sibirskij federal'nyj universitet. Krasnoyarsk.
- OZHEGOV, S.I., SHVEDOVA, N.YU. (1999): *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka*. Azbukovnik. Moskva.
- RYUMSHINA, L.I. (2004): *Manipulyativnye priemy v reklame*. MarT. Moskva.
- STERNIN, I.A. (2002): *Russkoe i kitajskoe kommunikativnoe povedenie. Istoki*. Voronezh.
- TOKARZ, M. (2006): *Argumentacja, perswazja, manipulacja*. GWP. Gdańsk.
- VLASOV, M. (2011-2017): *Psichologiya cheloveka*. [Elektronnyj resurs]: <https://psichel.ru>
- WROŃSKI, R. (2010): "Edukacja behawiorystyczna i konstruktywistyczna w aspekcie manipulacji" В кн.: *Manipulacja. Społeczno-pedagogiczne aspekty*. Т. 2., Krakowskie Towarzystwo Edukacyjne, Kraków, с. 13-25.
- ZHARKOVA, T.I. (2017): *Ulybka v mezhkul'turnoj kommunikacii*. [Elektronnyj resurs]: <http://xn--i1abnckbmc19fb.xn--p1ai/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8/609411/>